

С.В. ЗАБОРОВСКАЯ, канд. филол. наук

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ СТРУКТУРА ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА КАК ПОРОЖДАЮЩЕГО НАЧАЛА ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

У статті обґрунтовується думка про те, що буденний дискурс являє собою першопочаток віртуального дискурсу на рівні свідомості і мовного втілення, а буденна свідомість зумовлює його ідеологію як мисленнєву структуру. Доводиться, що буденна свідомість і буденний дискурс є тією методологічною основою осмислення віртуального дискурсу, онтологічна цінність якого пов'язана з новими технологіями спілкування, що виокремлює віртуальний дискурс із загального поля буденного спілкування, зумовлюючи при цьому дискурсивні модифікації загально мовних структур і категорій.

В статье излагается концепция связей на феноменологическом уровне обыденного и виртуального дискурсов. Обосновывается мысль о том, что обыденный дискурс является порождающим началом виртуального дискурса на уровне сознания и речевого воплощения, а обыденное сознание определяет его идеологию как мыслительную структуру. Делаются выводы, что обыденное сознание и обыденный дискурс представляют собой ту методологическую основу осмысления виртуального дискурса, онтологическая ценность которого связана с новыми технологиями общения, что выделяет виртуальный дискурс из общего поля обыденного общения, обуславливая при этом дискурсивные модификации общезыковых структур и категорий.

The article is devoted to the virtual discourse. It is generated from the ordinary discourse adjusted to the new communicative space, which governs its modification according to the network environment characteristics.

Феноменологический статус обыденного дискурса. Исследование человеческого сознания представляет собой трудную задачу. Трудность эта связана, прежде всего, с объектом изучения, определяемым М.К. Мамардашвили как «весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь» [9, с. 3]. По мнению философа, построение теории о сознании принципиально невозможно ни в виде предельного философского понятия, ни в виде реального явления, так как «сознание не поддается теоретизации, объективированию. Любая попытка в этом направлении неминуемо кончается неудачей. По мере приближения к нему сознание, как тень, ускользает от исследователя» [9, с. 3], для которого остается единственная возможность – рассуждать о сознании, используя опосредованный, косвенный язык описания. Видимо, поэтому, несмотря на то, что обыденное сознание уже давно является предметом изучения в русле философии и социальной психологии, до сих пор не существует четкой эпистемологии этого понятия. Для нас это было бы необходимо, поскольку мы пытаемся соединить когнитивную природу

обыденного сознания и обыденного дискурса, что в свою очередь нужно для установления дискурсивных связей обыденного и виртуального дискурсов.

Мы ставим перед собой *задачу* вывести обыденное сознание (через обыденный дискурс) в план мотивации и речевой специфики компьютерного общения, определить признаки, характеристики обыденного сознания, непосредственно связанные с виртуальным дискурсом. Необходимо отметить, что данная концепция является исключительно авторской. Другие работы аналогичного содержания нам неизвестны.

Итак, *предметом нашего рассуждения* является сознание, однако не все, а лишь та его часть, которая условно называется частью, поскольку в модифицирующем виде соединяет в себе все виды сознания и дискурсивные выражения, доступные нашему пониманию, являясь частью не в линейном смысле, а в объемном, ризоматическом. Как один из уровней индивидуального сознания обыденное сознание служит своеобразным медиатором по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, мифологическому и научному отражению мира, а также бессознательному и рефлексивному сознанию. Тесная связь с социальными стереотипами и представлениями сочетается в обыденном сознании с гибкостью и вариативностью, а его во многом нерациональный характер свободно сосуществует с элементами научного знания. Как свидетельствуют работы отечественных психологов, «в обыденной жизни нормальные взрослые люди действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинаясь совершенно иным тенденциям, состоящим в стремлении сохранить единство с группой, не менять уже сложившегося мнения, следовать эмоциональным реакциям, воспроизводить в своем поведении стратегии, выработанные в ходе эволюции и сохраняющиеся тысячелетиями» [13, с. 94-95]. Нерациональный характер и социальная природа как фундаментальные характеристики обыденного сознания не могут не оказывать влияние и на природу обыденного дискурса, конституирующей категорией которого является личность в ее собственно субъективной эмоционально-психологической ипостаси и в ее разнообразных социальных связях и ориентирах, в ее стереотипах понимания, интерпретации оценки и поведения. Таким образом, центром обыденного дискурса становится антиномия: свободный от социальных и идеологических связей субъект/субъект социально заангажированный. Разумеется, «свобода» имеет тоже ограниченный характер, так как «в слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения своего коллектива» [6, с. 302]. Разные ипостаси (аспекты) социальности, культуры личности на уровне сознания предопределяют собственную дискурсивную выраженность.

Обыденное сознание и обыденный дискурс в сравнении с другими типами сознания и другими дискурсами обладают более высокой степенью диффузности, включая в себя «на свободной волне» фрагменты «чужих» дискурсов на уровне не размышлений, но квинтэссенции смысла, что в языке

называется с позиции «здравого смысла», когда отбрасывается метаязыковая специфика и категориальная усложненность. Можно, наверное, говорить, что сознание и дискурс в обыденной ипостаси являются переводчиками других дискурсов на «упрощенный» способ понимания и сообщения в повседневных дискурсивных практиках.

Таким образом, обыденное сознание представляет собой восприятие и интерпретацию мира вне жестких конвенциональных параметров культурных дискурсивных практик, в традиционном пространстве языка, отражающем аналитический опыт «здравого смысла». На генетическом уровне обыденное сознание аккумулирует имманентные диалогические свойства слова, формирует потребности общения в различных его вариациях: от монологического самовыражения до реакций на «Другого».

Феномен обыденного сознания многопланов: с одной стороны, он отражает первородные законы мысли и словесного выражения в их имманентных свойствах (здравый смысл, самовыражение, диалог), а с другой – мыслительные, духовные, культурные, речевые конвенции, закрепленные в жестких стереотипах представлений о мире, о форме выражения этих представлений. Методологическое и теоретическое пространство обыденного сознания. Закрепленность в социуме влияет на содержание обыденного сознания, которое характеризуется единством норм, правил, ценностей, знаний и пр. для людей одной культуры или одной социальной группы. «Реальность повседневной жизни представляется мне как интерсубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интерсубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мною реальностей», – отмечают П. Берген и Т. Лукман [4, с. 43]. Таким образом, обыденное сознание становится именно тем фактором, который в наибольшей степени способствует сохранению группового единства на уровне культуры или микрогруппы, поскольку позволяет подтверждать истинность и значимость принятых мнений. Через опору на общее мнение и освоение группового опыта индивидами присваиваются и различные стереотипы обыденного сознания, в которых находит свое отражение особая логика обыденного сознания, так называемый «здравый смысл». Хотя наличие стереотипов характерно для любого уровня сознания, стереотипы, формируемые и функционирующие на уровне обыденного сознания, обладают наибольшей шаблонностью и устойчивостью.

Стереотипы представляют собой «обобщенные образы мыслительной деятельности поведения, закрепляющиеся в ходе их повторения неким устойчивым отношением, выступающим в качестве установки, через которую преломляется весь последующий опыт» [7, с. 30]. Они помогают индивиду ориентироваться в обыденных ситуациях и регулировать свое поведение, поскольку «ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации» [8,

с. 188]. Знакомство со стереотипами общения и социального поведения начинается с самого раннего детства, когда человек постепенно входит в окружающий его мир. В процессе социализации и инкультурации происходит усвоение разнообразных культурных форм какого-либо общества, например, устойчивых совокупностей технологий мышления, поведения, взаимодействия, последовательности действий, построения суждений, различных культурных формул и символов, отражающих определенные представления о реальности, а также социальных ролей, благодаря чему индивид гармонично входит в социальную среду. Миновать процесс социализации невозможно, так как в противном случае человек просто не сможет существовать как член общества, поскольку стереотип социален по своей природе, так как он отражает отношение той или иной социальной группы к определенному явлению. Нередко стереотипы отождествляются с народными традициями, мифами, ритуалами, которые непременно присутствуют в той или иной форме общественного сознания – религиозной, философской, научной, эстетической и др. Однако несмотря на безусловное сходство, традиции и обычаи отличаются, по мнению Т.Е. Васильевой, своей объективированной общезначимостью, открытостью для «других», в то время как стереотипы «остаются на уровне скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего от «чужих» намеренно скрывают» [5, с. 335].

Несмотря на свою внешнюю консервативность, стереотипы общественного сознания весьма подвижны и мобильны и обладают способностью практически мгновенно реагировать на малейшие изменения самого человека и окружающей его среды. При этом степень устойчивости стереотипов зависит как от внешних условий, так и от конкретных носителей – общества, коллектива, личности, обыденные представления и эмпирические настроения которых преломляются через определенную систему экспликаций. В книге «Элементы социальной и культурной антропологии» Ж. Коллен высказывает мнение, что социальный стереотип – это не только форма сознания, но и форма поведения людей. По мнению автора, «стереотип – это механизм взаимодействия по крайней мере двух сознаний, простейшая форма коммуникации, результат взаимного тяготения и культурного напряжения, одновременно характеризующие и степень социализации людей» [5, с. 361]. Социальная модель поведения возникает из потребности (индивида или коллектива) объяснить себя другому, то есть сделать первый шаг к осознанию «своей» и «чужой» специфики как особенности объективной действительности, что возможно лишь в стереотипизированной форме. По мнению французского философа П. Рикёра, интерес к «другому» как к своему «иному» является первой аналоговой формой стереотипизированного восприятия окружающей среды как среды обитания различных людей, наиболее удачно закрепившейся в западноевропейском мышлении и сознательно поддерживаемой при помощи

внедрения в обыденное сознание априорных суждений, постепенно проникающих во все области жизни, включая политику и искусство.

Диффузность обыденного дискурса, который вбирает в себя другие дискурсы, упрощая и переводя их на язык обыденности, приводит к наличию в нем достаточного количества различных стереотипов, как своих собственных, так и привнесенных другими дискурсами, которые незаметно проявляются в процессе общения и присутствуют в обыденном дискурсе имманентно, независимо от воли говорящего и слушающего. При этом стереотипы регулируют и сам процесс общения, поскольку сходные обобщенные представления об объекте или явлении, оказавшемся предметом обсуждения, способствуют установлению взаимопонимания между коммуникантами. В монографии «Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира» Н.И. Сукаленко отмечает, что «стереотипы, или эталоны... являются тем связующим звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык. Они представляют “своего рода константы языковой картины мира, поскольку через эти имена в концептуальную картину вплетается то обиходно-бытовое представление о мире, которое зафиксировано данным языком” [12, с. 46]» [11, с. 60]. Итак, можно говорить о том, что эпистемология обыденного дискурса определяется принципами, противоположными по своей познавательной природе: личностно-интуитивно-аналитическим началом, то есть так называемым «здравым смыслом», и мыслительными стереотипами, создающими поле социального понимания, оценки и интерпретации.

Личностно-эгоцентрическая природа – мировоззрение с точки зрения «я» – определяет и структуру дискурсивного нарратива и, как следствие, его содержательное наполнение. Для каждого индивида его обыденная реальность – повседневный мир, и все, что с ними связано, составляет его личную Вселенную, центром которой является «Я», поэтому нарратор обыденного дискурса есть одновременно и его субъект. Вместе с тем обыденный дискурс каждой личности индивидуален и неповторим, но он не может оставаться неизменным, поскольку тематическое содержание его всецело зависит от конкретного человека, который существует не только в пространстве своей обыденной реальности, но и в реальном мире других людей.

Исходя из этого, личностную организацию обыденного дискурса можно рассматривать в связи с дихотомией личное – социальное. Социальный план эгоцентризма реализуется в выборе социальной роли субъектом дискурса в ее более или менее жесткой определенности в социальных симпатиях и жизненных приоритетах. По своей природе самодостаточность личности в той или иной степени выраженной совмещается с социальной мотивацией в ее ролевых дискурсивных практиках. Социальная детерминированность обыденного дискурса связана с конвенциями статусно-ролевого взаимодействия. Тот или иной репертуар социальных ролей (постоянных,

долговременных или эпизодичных), исполняемых личностью, влияет на степень диффузности ее дискурса, а частотность исполнения той или иной роли приводит к образованию стереотипов ролевого поведения и далее – к стереотипам речевым (дискурсивным), что определяет характер индивидуально-личностных различий обыденного дискурса. Как правило, обыденный дискурс представляет собой пространство общения, свободное от метаязыка, обслуживающего политический, научный, деловой, профессиональный и другие дискурсы. Однако в ряде случаев (например, для подтверждения своего статуса, а в случае статусной неопределенности – для опознания членов своей социальной группы) обыденный дискурс отдельных личностей может содержать в себе элементы того или иного метаязыка, которые служат своеобразными маркерами статусной принадлежности, например, компьютерная терминология (или жаргонные слова) в обыденном общении программистов и специалистов по компьютерам. Укрепление социального статуса личности, ориентированной на авторитарную элитарную культуру, приводит к «включению» в ее обыденный дискурс своеобразной метаязыковой интертекстуальности, представленной цитатами и сентенциями авторитетных представителей той или иной области знаний. Таким образом, метаязык предстает как одно из средств самовыражения в социальном диалоге, прорастая в обыденный дискурс отдельных личностей, для которых подтверждение социального статуса является необходимой составляющей любого типа дискурса, в том числе и обыденного.

Статусно-ролевые социальные отношения вносят в обыденный дискурс определенный элемент игры, влияние которого, подкрепленное особенностями виртуальной среды, усиливается в электронном дискурсе. В обыденном дискурсе игровой модус чаще всего реализуется в форме языковой игры, которая является своеобразным средством выразительности или экспрессивности, «украшательством» речи, основанном «на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [10, с. 15].

На структурном уровне личностно-социальный план может определяться категорией диалога, хотя по своей мыслительной организации обыденный дискурс главным образом монологичен, поскольку продуцируется в основном исходя из установки на самовыражение, которая выступает в качестве его имманентной характеристики. Однако потребность в самовыражении может быть в полной мере реализована лишь при наличии другого воспринимающего сознания, способного не просто выслушать, а принять это «обыденное говорение» с определенной долей эмпатии.

Исходя из этого фундаментальные лингво-философские характеристики диалога могут быть спроецированы на обыденное сознание и обыденный дискурс. Согласно философской концепции М.М. Бахтина, диалог – это форма существования сознания, множественного по своему личностному существу: чужое сознание нельзя познать, с ним можно лишь диалогически

общаться. Жизнь сознания, по М. Бахтину, определяет существование в индивидуальном сознании двух различных позиций: я-для-себя и я-для-другого, которые хотя и присутствуют в одном сознании одновременно, однако не совпадают. Для самого существования сознания личности необходимо постоянно оценивать себя с точки зрения другого. «Мы постоянно и напряженно подстерегаем, ловим отражения нашей жизни в плане сознания других людей, и отдельных ее моментов, и даже целого жизни, учитываем и тот совершенно особый ценностный коэффициент, с которым подана наша жизнь для другого, совершенно отличный от того коэффициента, с которым она переживается нами самими в нас самих», — пишет М. Бахтин [3, с. 17]. Именно наличие другого сознания является необходимым условием существования собственного сознания индивида: «я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к Ты)» [2, с. 343]. При этом любые знания о себе «со стороны» не усваиваются слепо, а «имманентизируются в нашем сознании, переводятся как бы на его язык» [3, с. 17], поскольку знание о себе представляет собой диалогическое знание — неокончательное, открытое и незавершенное. В обыденном сознании и в обыденном выражении эти свойства приобретают гипертрофированный характер, потому что, с одной стороны, подпитываются личностной экспрессивной энергией, а с другой — имеют самодостаточный, дискурсивнообразующий характер, в меньшей мере, чем в других дискурсивных практиках, связанный с конвенциональными нормами и запретами.

Таким образом, многообразие модусов повествования (игровой и серьезный, диалогический и монологический, экспрессивный и нейтральный) является одной из характерных особенностей экзистенции обыденного дискурса и обыденного сознания в пространстве повседневной реальности, которая в определенной степени обуславливает и диффузный характер обыденного дискурса.

Общефилософская и нравственная оппозиция «свое-чужое» входит в число конституирующих составляющих любой культуры. В обыденном дискурсе она может актуализироваться в плане феноменологии, включающем интертекстуальность как содержательную составляющую, и в плане оценочного представления фрагментов бытийности. Феноменологическим источником оппозиции «свое-чужое» является традиционное культурно-историческое интертекстуальное пространство, расширенное за счет обыденной интертекстуальности, определяемой индивидуальным жизненным опытом автора дискурса. Обыденный дискурс каждой отдельной личности наполняется набором значимых фраз (так называемый «обыденный словарь») для определенной жизненной ситуации, которые имеют локальный знаковый характер, ограниченный в пространстве общающихся и во времени, а

поэтому понятные и значимые лишь для определенного круга «посвященных». Фразы обыденной интертекстуальности разделяют нарраторов на отдельные группы, у каждой из которых свой собственный набор значимых идиоматических речений для определенных ситуаций, которые представлены, как правило, словами или фразами детской речи, оригинальными оговорками или забавными выражениями, воспроизводимыми дословно. Возникнув в обыденном дискурсе одной личности, эти обороты (в силу своей оригинальности или полноты отражения явления, предмета) могут переходить в дискурсы других индивидуумов, где становятся уже знаками обыденной интертекстуальности, присутствующими (в большей или меньшей степени) практически в каждом обыденном дискурсе. Художественная интертекстуальность, используемая в обыденном дискурсе, представлена весьма разнородными реализациями: фразы из анекдотов, известных кинофильмов, песен, пословицы и поговорки, дословные и видоизмененные цитаты из художественных произведений и т.д. Такое разнообразие можно объяснить повышенной ассоциативностью обыденного дискурса по сравнению с другими видами дискурса. Использование различных форм интертекстуальности – обыденной и художественной – привносит в обыденный дискурс элементы игрового модуля повествования.

Оценочное представление фрагментов бытийности, актуализированное в оппозиции «свое-чужое», в обыденном дискурсе соответствует обывательской сентенции: «Существует два мнения: одно – мое, другое – ошибочное». Таким образом, член оппозиции «свой» (и все, что с ним связано) имеет положительную маркированность, а «чужой» – отрицательную. Такое противопоставление в ряде случаев приводит к авторитарности обыденного дискурса, превращая его в дискурс энкратический – дискурс власти, или доксы, в котором нет места «другому», поэтому он монологичен по своей природе [1].

Диффузность обыденного сознания и обыденного дискурса является не только их конструктивным принципом, но и их феноменологическим существом. Обычно включение фрагментов «инородных» дискурсов в тот или иной дискурс (например, научный, педагогический, политический и пр.) воспринимается как нарушение его конвенциональных принципов, структуры и содержательной (смысловой) однородности. В обыденном дискурсе такая разнородность не только воспринимается как норма, но и является необходимым условием его существования в пространстве обыденной коммуникации. При этом сдерживающие конвенциональные, определяющие и регламентирующие начала и различные нормы практически отсутствуют, что необычайно расширяет рамки обыденного дискурса и увеличивает степень его диффузности, которая отражается практически во всех категориях, определяющих обыденный дискурс и обыденное сознание: в самодостаточности, стереотипах, типах модуля и т.д. Свобода на уровне

смысла и на уровне организации содержания приводит к речевой раскованности обыденного дискурса, освобождению его от литературных норм, действующих в других дискурсах, иногда вплоть до слияния с вульгарным или пейоративным дискурсом. Единственным ограничением, так называемым сдерживающим началом, в плане выражения и в плане содержания обыденного дискурса является определенная система личных внутренних запретов, в которых проявляется «самость» каждой личности, ее имманентная природа. Еще большей конвенциональной свободой и раскованностью характеризуются отдельные составляющие виртуального дискурса, особенно интерактивные дневники, поскольку формально каждый из них представляет собой определенный участок сугубо личного виртуального пространства, а следовательно, автор волен сам определять перечень его конвенциональных ограничений. При этом феномен маски, активно используемый в виртуальном дискурсе, дает автору иллюзию закрытости внутренней сущности – надзирающего Сверх-Я, позволяя не только ощутить себя другим, переступая через все социально определенные нормы и запреты, но и посмотреть на себя как бы со стороны, глазами Другого.

Таким образом, диффузность обыденного дискурса, рассматриваемая как включение различных содержательных и формальных фрагментов одного типа общения в другой, на современном культурном витке развития общества, в новом коммуникативном пространстве, приобретает для нас принципиальный смысл, который связывается с исследованием виртуального дискурса. Знаковое пространство и гипертекст, как структурный принцип его организации, проявляют неоднородность (разноплановость) виртуального дискурса, делают ее более наглядной, осязаемой: разные типы дискурсов сосуществуют друг с другом и представлены одновременно на экране монитора. На общем плане обыденного дискурса существуют вкрапления эстетически значимых фраз, создающих художественный эффект множественной значимости подтекста: «Таких вещей, как я пишу, написать можно великое множество – может, в этом и есть их прелесть. Какая-то извращенная прелесть, что ли. Не знаю» [17].

Эффект художественности создает «поэтический резонанс» (термин Поля Валери) с интертекстуальным пространством – *художественным, философским, культурно-идеологическим*:

«Среда, 18 марта 2005. 21:36

Запахи уральской весны кружат голову, голос то и дело надломится, когда говоришь с давней подругой, а эти проклятые яблони цветут и цветут, источая какой-то гибельный, пугающий аромат, невинный и приятный с первой затяжки.

А душными, долгими, пустыми ночами, когда подушка по-ахматовски горяча, снится отчего-то Жюли Карагина, Джо Ферроне, который идет по бульвару Каппуцинов под руку с Сил Баррет... мгновение - и это уже Сид

Баррет - боже, как все быстро меняется в нашем мире! - и иллюзорность бытия предстает во всей красе...

21:41 написала стихотворение, и забыла...

Дорогой, я вчера не ложилась спать.

Новый день сигарета окно кровать

Пятница, 17 июня 2005. 22:11

Анатомия одиночества.

Тихо потрескивая, горят крамольные книги в камине нежных чувств. Книги по анатомии. Подстрочники, учебники, революционные руководства к действию. Бумага горит вся одинаково, неважно, чья рука ее исписала. Важно, чья рука кидает ее в огонь» [17].

При этом гипертекст и технологические настройки дневникового сайта позволяют автору усиливать или ослаблять диффузность отдельных частей компьютерного дискурса по своему желанию: так, например, создавая свой список «Избранных читателей» (или «Ленты друзей»), автор дневника тем самым совмещает на одной странице отрывки из дневников других пользователей, создавая, таким образом, своеобразный коллаж из частей дискурсов разных авторов, который затем появляется на экране монитора (при помощи одного нажатия гиперссылки «Избранное») как единый текст. Тем самым, диффузность намеренно создается автором из отрывков «чужой» экзистенции (авторская диффузность) в их *собственно-обыденном*:

«Сегодня нашей физички не было полчаса. Мы сидели и дружно вспоминали самые стебные моменты жизни нашего класса. Начиная с первых моментов...дружный хохот, со всех сторон: "А я помню, как..." "А вы помните, у нас было...?" и по-новой. Так приятно, блин, и так классно...» [14]; *обыденно-художественном*:

«в воскресенье пойду постригусь:

на других посмотрю, над собой посмеюсь.» [15];

сказочно-фольклорном:

«Темной-темной ночечкой... по темной-темной улочке... топала злая-злая маньячка, прижимая к груди румяную жертву будущего темного-темного ритуала...

Она пришла домой и вымыла ничего не подозревающую жертву...» [16]; или *философском выражении*, что в итоге приводит к содержательно-тематической диффузности.

Таким образом, структурная диффузность обыденного сознания проявляется в сплетении различных способов мировосприятия и миропонимания: мифологических, идеологических (или мыслительных, представляющих так называемый «здравый смысл»), культурных (представляющих интерпретацию различных форм бытия, организованных нормативно), создающих содержательную диффузность обыденного дискурса, который объединяет в себе другие дискурсы, переводя их с метаязыка на язык обыденности. Гипертекстовая структура, в свою очередь,

представляет собой характеристику, имеющую не только формальный, но и содержательный, феноменологический, характер, поскольку является выражением диффузности виртуального дискурса. Гипертекст в данном случае используется не только для придания формы дискурсу, но и как план, создающий его феноменологию.

Вывод. Исходя из изложенного выше, можно говорить о том, что обыденное сознание и обыденный дискурс являются феноменологической основой осмысления виртуального дискурса, онтологическая целостность которого связана уже с новыми технологиями общения. Именно эти технологии выделяют виртуальный дискурс из общего поля обыденного общения и обуславливают дискурсивные модификации общезыковых структур и категорий. При этом дискурсивные связи обыденного и виртуального дискурсов устанавливаются на основе когнитивной природы обыденного сознания, отраженной в обыденном дискурсе. Обыденный дискурс представляет собой порождающее начало виртуального дискурса на уровне сознания и речевого воплощения, в то время как обыденное сознание определяет его идеологию как мыслительную структуру.

Список литературы: 1. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 519–534. 2. Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: Рус. словари, 1997. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 329–360. 3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–180. 4. Берген П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. 5. Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании // Реклама: внушение и манипуляция. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. – С. 334–366. 6. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: Аста-пресс ltd, 1995. – С. 216–380. 7. Дубинин И.И., Гуслякова Л.Г. Динамика обыденного сознания. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1985. – 135 с. 8. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. – 1966. – № 9. – С. 187–205. 9. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вopr. философии. – 1990. – № 10. – С. 3–18. 10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 552 с. 11. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наук. думка, 1992. – 164 с. 12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 142 с. 13. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с. 14. <http://www.diary.ru/~asassin>. 15. <http://www.diary.ru/~Me2> 16. <http://www.diary.ru/~maxy> 17. <http://www.diary.ru/?89115>

Поступила в редколлегию 25.12.07